

Затяжной дождь в самом конце лета уныло и мелко накрапывал уже третьи сутки подряд. На улицах Жунина бесчисленные повозки и пешеходы, то и дело сменяя друг друга, месили колёсами и ногами вязкую раскисшую грязь, торопясь каждый к своей цели. Под серым, налитым свинцом небосводом прохожие в соломенных плащах и бамбуковых шляпах шли с низко опущенными головами, каждый мечтал поскорее уладить дела и укрыться в родных стенах, спасаясь от этой проклятой сырости.

В это время во дворце Тайцзи, где уже были выставлены сотни парадных коронационных одеяний и расшитых нефритом венцов, министр Вэй Лунь и глава казначейства Чжансунь Яо стояли плечом к плечу перед Ли Яньи. Держа в руках священные свитки с уложениями, они пункт за пунктом зачитывали ей древние каноны и ритуальные правила проведения коронационных торжеств, оставленные предками. Ли Яньи восседала на императорском ложе и из последних сил заставляла себя слушать, однако все эти церемониальные тонкости были настолько громоздкими и запутанными, что, как ни пыталась она удержать в памяти каждую деталь, мысли её непрерывно уносились куда-то далеко.

Вэй Лунь сразу заметил её душевное смятение и плавно свернул свиток с уложениями:

– Ваше Величество, не гложет ли ваше сердце какая-то скрытая тревога или сомнение?

Ли Яньи лишь неловко улыбнулась в ответ, так ничего ему и не сказав.

Чжансунь Яо украдкой мазнул по ней сочувствующим взглядом. Он прекрасно знал, что в последние дни Ли Яньи, помимо бесконечных забот о полной ликвидации выживших вражеских фракций и подготовке к восхождению на престол, денно и ночно изводила себя мыслями о судьбе А-Синь.

После страшной бойни под Мэнляном здоровье А-Синь сильно пошатнулось, а тяжелейшее растяжение в пояснице и вовсе лишило её возможности нормально передвигаться в быту. Ли Яньи пачками засылала в поместье Се лучших придворных лекарей, отчаянно стремясь исцелить её недуг, однако А-Синь всякий раз с позором выставляла врачей вон за ворота, наотрез отказываясь принимать милости из рук бывшей возлюбленной. Коронация была уже на пороге, а значит всю семью Се Фучэня по законам престолонаследия надлежало вырезать подчистую. И А-Синь как прямая, законная дочь Се Фучэня тоже безоговорочно подлежала немедленной казни.

Её нельзя было оставлять в живых. Нельзя, если бы только её и Ли Яньи не связывали узы долгой и мучительной любви.

Вэй Лунь и Чжансунь Яо уже не раз умоляли Ли Яньи проявить твёрдость. Уничтожить Се Фучэня означало выжечь весь его род до самого корня, устранив малейшую возможность для грядущей кровной мести. Стоит проявить минутную слабость и оставить в живых хоть одну душу, и они собственноручно сохранят смертоносный клинок, который в будущем неизбежно вонзится в их собственное сердце. Именно в этом и заключался сакральный смысл закона об истреблении рода.

И всё же Ли Яньи до сих пор так и не издала указа о ликвидации семьи Се. Более того, она продолжала караванами слать в их резиденцию редчайшие целебные корни и лучших лекарей. Абсолютно каждый человек при дворе без слов понимал, чьё именно имя выжжено в её сердце и ради кого она готова нарушить законы, а потому министры благоразумно предпочитали держать язык за зубами.

Теперь, когда до начала коронации оставались считанные часы, скорбь Ли Яньи тяжёлым бременем легла на плечи её верных министров Вэй Луня и Чжансунь Яо. Будь на её месте любой другой император-мужчина, верные подданные обошлись бы одной фразой: «Император, эта барышня лишь пагубный соблазн для трона, престол и благополучие Поднебесной должны стоять на первом месте!» и правитель отступил бы. Однако перед лицом этой первой в истории вселенной женщины-императора, готовой взойти на вершину мира, они впадали в полный ступор. У них не было ни одного исторического шаблона, ни единого примера из прошлого, на который можно было бы опереться, и одно неверно обронённое слово могло стоять им головы. Даже эти двое закалённые опытом старцы, всегда славившиеся своим феноменальным красноречием, сейчас безмолвствовали, словно набрав в рот воды.

– Продолжайте, – Ли Яньи аккуратно потёрла пальцами виски и с усилием приоткрыла глаза, она не смыкала век всю ночь и сейчас пыталась хоть немного взбодрить угасающие силы.

Она заставила себя без единой ошибки повторить весь текст своей будущей коронационной речи, затем лично поднялась на самую вершину горы Ванцзюнь, чтобы проконтролировать, как продвигаются приготовления к торжественному обряду жертвоприношения в Храме предков. Следом вместе с чиновниками ведомства налогов она шаг за шагом прошла по всему маршруту, которым завтра должен был двигаться её парадный экипаж. Лишь когда она вернулась под своды дворца Цзывэй и ещё раз зачитала манифесты, эта изнурительная, вымотавшая её до глубокого головокружения рутина была наконец завершена.

– Ваше Величество, вышивка золотыми нитями на рукавах Вашего парадного коронационного халата-гуньфу полностью переделана и исправлена. Не пожелаете ли примерить его ещё раз? – опустившись на колени прямо перед императорским экипажем, почтительно доложил заместитель главы ведомства налогов.

Ли Яньи лишь устало и вяло выдохнула неопределённое «Хм...», не сказав ни да, ни нет. Чиновник, так и не дождавшись внятного приказа, застыл на месте, не зная, можно ли ему подняться, и в полном замешательстве переглянулся со своим начальником Чжансунь Яо. Тот нахмурился и едва заметно покачал головой, после чего младший смотритель поспешно откашлялся и без шума отступил в сторону.

– Трогаемся, – скомандовала Ли Яньи.

– Император отбывает! – громогласно пропел евнух-распорядитель, и парадный экипаж Ли Яньи двинулся в обратный путь к дворцовому комплексу.

И как раз в тот миг, когда императорский выезд начал плавно спускаться со склонов

священной горы Ванцзюнь, один молодой слуга-евнух в самых последних рядах процессии принялся нарочито замедлять шаг. Капля за каплей он отставал от колонны, и едва убедившись, что ни одна живая душа в суматохе не обращает на него внимания, сделал один широкий прыжок и скрылся в густой лесной чаще, мгновенно растворившись среди деревьев.

Добравшись до подножия горы по глухим диким тропам, он на ходу переоделся в грубые холщовые одежды простолюдина и незаметно скользнул в ворота поместья Се.

– Стало быть, Ли Яньи в эти дни действительно с головой ушла в подготовку к завтрашней коронации, – Се Фучэнь сделал неторопливый глоток чая.

– Так точно, сима Се, – доложил молодой евнух. – Эта девица, Ли Яньи, даже изрядно повздорила со слугами, до того её утомили все эти бесконечные и запутанные ритуалы. Чуть было в ярость не впала.

Ли Яньи и Вэй Лунь полностью поглощены церемониями... Что ж, значит, завтрашнее торжество действительно не уловка, – подумал он.

Жаль только, что рассвета вам уже не видеть.

Евнух, бережно сжимая в кулаке полученное за донос серебро, поспешно направился к выходу. Стоило ему с радостной улыбкой ступить во внутренний двор поместья, как из ночной темноты беззвучно сооткался чёрный силуэт и стальное лезвие насквозь прошило левую половину его груди.

Наёмник резким движением выхватил клинок обратно. Евнух успел сделать ещё два шага вперёд, даже не сразу осознав, что смертельно ранен. Лишь когда мимолётное чувство укола сменилось невыносимой, жгучей мукой, он опустил взгляд вниз и остолбенел. Из его груди хлестал густой поток крови. От жуткого испуга сердце его замерло, и он замертво повалился в грязь.

Се Фучэнь набросил на плечи чёрный соломенный плащ, водонепроницаемая пальмовая ткань была туго затянута шнурами у самого его подбородка. Длинные волосы он спрятал под полями широкой шляпы. Крепко сжав в руке висевший на поясе меч, он решительным шагом ступил в дождливую ночь. Следом за ним, тень за тенью, двигались одиннадцать безмолвных лазутчиков в чёрных походных плащах, а ещё несколько тысяч его верных преданных бойцов, точно капли воды в бескрайнем океане, мгновенно растворились в крошечной тьме столичных кварталов Жунина.

Тот самый мастер клинка, что мгновением ранее хладнокровно прикончил евнуха, бесшумно промелькнул по верхушкам деревьев. Ветви берёз едва заметно вздрогнули. Этот полёт был тише и незаметнее, нежели движение сорвавшейся с места сороки. Этим скрытным убийцей был не кто иной, как знаменитый бродячий мастер-юэся Хан Ле. Именно он в прошлом сумел тайно отравить ядом советника Линь Цюаня, заставив содрогаться от страха всю резиденцию принцессы. Однако с момента появления в столице Линьби Хан Ле полностью лишился

пространства для манёвра. Охрана вокруг поместья Ли Яньи и поместья Вэй была настолько ювелирной и жёсткой, что он не мог даже близко подобраться к мишеням. Се Фучэнь в своё время спас его жизнь на северных рубежах, и Хан Ле чувствовал себя в долгу, без толку проедаая его припасы и золото и не имея возможности делом доказать преданность. И сегодняшняя ночь должна была стать его часом великого триумфа.

Се А-Сюнь также была среди них.

Она долгие месяцы хищно выжидала момента, чтобы самолично искромсать А-Лай на куски, но та ускакала на северный фронт, лишив её малейшего шанса на месть. Едва уцелевшие полки вернулись в столицу, А-Сюнь рассудила, что настал идеальный момент: враги измотаны долгой войной и расслаблены триумфом, а значит, можно нанести скрытый удар. Она лично рискнула подобраться к поместью Вэй ради глубинной разведки. Каково же было её изумление, когда лазутчики принесли весть, что девка Чжэнь Вэньцзюнь бесследно сгинула в степях и давно мертва. До смешного нелепо, что эта тварь и предательница сдохла где-то на севере, так и не дав ей насладиться моментом расправы! Впрочем, А-Лай была лишь мелкой, ничтожной сошкой. Её истинными, главными мишенями с самого начала оставались Ли Яньи и Вэй Тинской. Теперь, когда все мосты были сожжены, у них не оставалось путей для отступления. Надлежало поднять карающие мечи и навсегда упокоить этих узурпаторов на краю истории!

Се Фучэнь заблаговременно отдал приказ под покровом темноты эвакуировать всех женщин, детей и стариков своего клана вон из города. Он трезво отдавал себе отчёт в том, что сегодняшняя ночь станет великим водоразделом для всей Великой Юй, и он обязан был любой ценой гарантировать священную безопасность своего рода.

Дождь за стенами поместья припустил с новой, неистовой силой, становясь грозным прологом к началу главной бойни.

В тот самый час, когда длинная вереница повозок дома Се уже готова была миновать столичные заставы и покинуть Жунин, А-Синь наконец пришла в себя.

Она с удивлением обнаружила, что лежит на мягких подушках внутри движущегося экипажа.

– Ты очнулась, – сидевшая подле неё Третья наложница испуганно засуетилась, не зная, куда девать руки от смущения.

– Как я оказалась здесь? – превозмогая жгучую боль в травмированной пояснице, А-Синь с трудом приподнялась на сиденье и резко отодвинула шёлковую занавеску окна. Монументальные столичные ворота Жунина уже высились в паре десятков шагов перед ними.

– Что всё это значит?! – А-Синь обернулась к мачехе. И хотя её вопрос прозвучал негромко, от сквозящего в голосе А-Синь леденящего тона Третья наложница судорожно вздрогнула всем телом. Барышня Се долгие годы командовала боевыми отрядами на передовой, и от её облика веяло такой первобытной, грозной аурой воина, что обычная изнеженная столичная женщина, отродясь не покидавшая девичьих покоев, едва не лишилась чувств от одного её взгляда.

- Я... я тут совершенно ни при чём! - запричитала наложница, испуганно забиваясь в самый дальний угол кареты.

Голова А-Синь раскалывалась от дикой, невыносимой боли, от резкой тряски экипажа на ухабах она покачнулась и чуть было не рухнула на пол, но мачеха успела поспешно подхватить её под руки.

- Вы... вы подсыпали мне в воду усыпляющий порошок? - А-Синь мёртвой хваткой сжала запястье женщины, да так сильно, что едва не сломала ей кость.

- Это всё воля Господина Се! Твой отец лично приказал сделать это, клянусь, моего умысла тут нет! Я понятия не имею, зачем он затеял это всё, ну что я могла сделать?! Мне оставалось лишь беспрекословно повиноваться его воле! А-Синь... пусти, умоляю, ты же мне руку ломаешь! - слёзы градом покатались из глаз несчастной женщины, и она принялась жалобно молить падчерицу о пощаде.

А-Синь медленно разжала пальцы. Выйдя из душной повозки на внешнюю подножку, она окинула взглядом дорогу: позади её повозки длинной змеей тянулись ещё больше десятка роскошных экипажей, в которых укрывался весь её род. Самые худшие, мрачные опасения в её голове подтвердились до последней крупницы.

Мой отец пошёл ва-банк. Начинается великий мятеж.

Повозки добрались до городских ворот и на удивление легко миновали заставу. А-Синь, нахлобучив глубокую шляпу, сидела прямо подле кучера. В её душе по-прежнему крепло гнетущее, липкое чувство тревоги, чем дольше она размышляла, тем сильнее её охватывал страх.

Долгие годы непрерывных военных походов развили в А-Синь то редкое, недоступное обычным обывателям звериное чутьё на смертельную опасность. Она устремила взор в непроглядную чащу дождливой ночи. Капли воды одна за другой шумно скатывались перед её глазами, пока она лихорадочно вглядывалась в малейшие шорохи и тени вокруг, отчаянно пытаясь нащупать хоть какую-то зацепку, способную унять её бешено колотящееся сердце.

И вот, когда вереница повозок дома Се одна за другой вырвалась из городских ворот и, выехав на пригородный тракт, приготовилась навсегда покинуть Жунин, А-Синь внезапно сиганула прямо на землю и во всю прыть бросилась бежать обратно по дороге, ведущей в город.

- А-Синь! А-Синь, куда же ты?! - Третья наложница всё это время неотлучно караулила падчерицу, до смерти боясь, что та выкинет какую-нибудь безумную глупость, и её худшие опасения оправдались до последней крупницы. Женщина высунула голову из окна повозки, и её пышный столичный образ в одно мгновение до нитки пропитался ледяным ливнем. Ей до безумия хотелось самой выскочить из экипажа и силой приволоочь барышню Се назад. Господин Се перед уходом строго наказал ей не спускать с А-Синь глаз и любой ценой вывезти её вон из столицы. Подсыпанный ею сонный порошок был рассчитан на то, чтобы усыпить

взрослую женщину на целые сутки. Мачеха думала, что А-Синь из-за своей закалки может прийти в себя чуть раньше срока, но она и вообразить не могла, что та очнётся настолько быстро! Если она упустит А-Синь, гнев Господина Се будет страшен.

А-Синь успела пробежать всего несколько шагов, как резкая, пронзительная боль в покалеченной пояснице лишила её возможности продолжать бег. Сцепив зубы от муки, она была вынуждена перейти на быстрый, рваный шаг, упрямо двигаясь обратно к Жунину.

Здесь засада.

Дождь припустил с новой, неистовой силой, тяжёлые струи ливня с размаху били по лицу и телу А-Синь, превращая каждый её следующий шаг в изнурительную пытку.

Если отец принял решение увести из поместья абсолютно всех, значит, его тайный план ставит под удар существование всего Жунина. В случае провала весь наш род Се ждёт тотальный, беспощадный геноцид и стирание с лица земли, оттого он и поспешил эвакуировать семью до начала резни. Но ведь процессия из более чем десятка роскошных повозок дома Се слишком приметное зрелище! Даже если замаскировать их под обычный купеческий караван, любой патрульный у ворот трижды всмотрится в эти повозки. Да, у отца на руках есть официальные дорожные грамоты для выезда, и в обычные дни стража пропустила бы их без лишних вопросов. Но ведь Ли Яньи вот-вот должна взойти на драконий трон - это беспрецедентное, величайшее событие во всей истории династии! В канун такого триумфа неужто она не выставила бы тройные дозоры и проявила бы хоть каплю беспечности? Наша семья Се - её самый злейший, смертельный враг, которого она мечтает вырезать под корень сразу после коронации. С какой стати её личные стражники на воротах вдруг проявили такую поразительную халатность и без единого обыска выпустили из города целый караван повозок? Даже если отец сумел за баснословное золото купить лояльность начальников заставы, на самом тракте их обязаны были перехватить конные разъезды.

При этих мыслях разум А-Синь окончательно погрузился в хаос.

Мы в капкане. Мой отец точно попался в расставленные сети! Ослабить бдительность на воротах, распахнуть створы и позволить отцу без труда ввести свои сто тысяч солдат прямо на улицы города с самого начала было частью дьявольского плана Ли Яньи и Вэй Тинсюй! Стоит отцу поднять мечи и начать штурм, и он превратится в мятежника, добровольно шагнув в приготовленную для него могилу. В хаосе начавшейся резни прикончить его на месте или сослать на плаху за государственную измену будет проще простого!

А-Синь пыталась ускорить шаг, стремясь вернуть былую кавалерийскую скорость движений, однако её израненное, не успевшее восстановиться после северных боёв тело не выдержало такой безумной нагрузки. Ноги её внезапно подкосились, и А-Синь со всего маху полетела ничком в грязь. Но в самую последнюю долю секунды, когда она уже приготовилась рухнуть в вязкую жижу, её тело мягко перехватили и удержали чьи-то сильные руки.

- Ли... Ли Яньи, - человеком, который только что бережно поймал её, оказалась сама Старшая

Принцесса, облачённая в облегающий чёрный костюм для ночных операций.

Голова Ли Яньи была укрыта под глубокой шляпой с вуалью, а лицо скрывала плотная чёрная маска. Позади неё безмолвными тенями выстроились шестеро плечистых, закованных в броню элитных телохранителей. Не оказись А-Синь в паре шагов от неё и не узнай она эти пронзительные, родные глаза, даже она не смогла бы с ходу признать в этом ночном лазутчике правительницу Поднебесной.

– Идём, – Ли Яньи молниеносным, ювелирным движением кисти выхватила прочную пеньковую верёвку и мёртвым узлом связала запястья А-Синь вместе. Будь А-Синь в своей прежней форме, она бы в долю секунды, ещё до того, как узлы затянулись, уклонилась от захвата и нанесла сокрушительный контрудар. Однако сейчас стоило ей лишь напрячь мышцы, как адская, жгучая мука в пояснице, точно острый наконечник копья, с силой вонзилась в её позвоночник, начисто лишая сил.

– Отпусти меня! – А-Синь резко вскинула локоть, намереваясь с размаху впечатать его прямо в челюсть Ли Яньи. Принцесса даже не подумала уклониться или выставить блок, тяжёлый удар локтём со свистом пронёсся по воздуху и замер в каком-то жалком вершке от её лица.

Длинные ресницы Ли Яньи были сплошь усыпаны каплями дождя. Её глаза чуть прищурились, и по краям побежали едва заметные лучистые морщинки. Она мягко, торжествующе улыбнулась сквозь маску, словно с самого начала знала, что А-Синь не посмеет довести удар до конца и пролить её кровь. Этот немой триумф бывшей возлюбленной привёл А-Синь в бешенство: резко изменив траекторию, она с силой скользнула предплечьем по корпусу Ли Яньи, заставив ту покачнуться и потерять равновесие. Стоявшие за спиной принцессы элитные гвардейцы мгновенно коршунами бросились вперёд, жёстко заламывая А-Синь руки и беря её под стражу.

– Не смей обращаться с ней грубо! Просто вывезите её вон из Жунина, этого достаточно, – приказала Ли Яньи, потирая слегка покрасневшую от удара щеку.

– Я не уеду! Ли Яньи, наша семья Се не желает принимать твои жалкие милости! Думаешь, если ты приказала настезь распахнуть ворота и позволила нашим повозкам беспрепятственно уехать, кто-то станет изливаться тебе в священной благодарности? Если в тебе осталась хоть капля былой прямоты, развяжи мне руки, и пускай исход решится на поле боя! И если я проиграю, то покорно приму любую кару, клянусь, я не нарушу слова! – яростные крики А-Синь под проливным дождём звучали слабо и бессильно. – Знаешь ли ты вообще, какой кошмар разразится этой ночью?! Думаешь, если тебе удалось коварством заманить моего отца в город, ты сможешь легко уничтожить его отряды? Ты слишком наивна! Великие войны на выживание не выигрываются парой красивых стратегий на бумаге! Сколько у тебя центральных войск в подчинении? Пять тысяч? Десять?! Да ты же просто ведёшь людей на верную смерть! Кому нужно бежать отсюда прямо сейчас, так это тебе!

Каждое вытолкнутое слово отзывалось в покалеченном теле А-Синь такой острой мукой, что её лоб мгновенно покрылся каплями холодного пота. Однако Ли Яньи лишь медленно шагнула к ней вплотную, бережно взяла её лицо в свои ладони и нежно улыбнулась:

- Надо же... Выходит, ты повернула коней и примчалась обратно в этот ад лишь ради того, чтобы спасти меня.

А-Синь вновь со всей силы вырвалась из её рук.

- Но понимаешь ли ты сама, сколько противоречий кроется в твоём крике? Ты вернулась, чтобы помочь отцу оборвать мою жизнь, или всё же ради моего спасения? Спроси у своего собственного сердца, чего именно ты хочешь на самом деле. - Ли Яньи указательным пальцем мягко коснулась груди А-Синь, как раз напротив сердца. - А-Синь, нельзя быть столь жадной в своих желаниях. Человек физически не способен обладать абсолютно всем, что ему дорого в этом мире, тебе придётся сделать выбор. Я никогда, ни единым словом, не принуждала тебя. Но сегодня, когда все маски сброшены и клинки обнажены, тебе придётся решить. Выбирай - я... или твой отец.

А-Синь прекрасно понимала, что Ли Яньи кругом права. Ей пришлось со всей горечью признать, что никто во всей вселенной не знает её натуру глубже и точнее, чем эта женщина.

Она всю жизнь была соткана из одних сплошных противоречий. Казалось бы, она ещё много лет назад разорвала их любовные узы и превратилась в монолитный щит и главную опору семьи Се. Даже когда секунду назад она сиганула из повозки и бежала назад под ливнем, она без конца искала оправдания в собственной голове, упрямо твердя себе, будто возвращается исключительно из страха, что отец угодит в западню. Но стоило ей столкнуться лицом к лицу с Ли Яньи, как самые сокровенные, потаённые слова сами собой сорвались с её губ.

Она до безумия боялась за отца, но и за жизнь Ли Яньи её сердце исходило жгучей тревогой.

Она готова была оставаться злейшим врагом Старшей Принцессы, готова была вести с ней войну до самого гроба, но только при условии, что Ли Яньи будет жить.

Пока этот человек дышит и существует под этим небом, А-Синь способна была сокрушить любые преграды во вселенной. К тому же она воочию видела, с каким безграничным терпением и нежностью Ли Яньи все эти годы принимала её капризы, гнев и холодные обиды. Принцесса ни разу в жизни не посмела сказать ей: «Уходи из семьи Се, брось отца». Ли Яньи была единственной душой на земле, кто понимал её без слов. Но почему... почему человек, который понимает её глубже всех во вселенной и дороже которого у неё никого нет, упрямо избрал путь, который ведёт их по абсолютно разные стороны баррикад?

А-Синь медленно опустила голову. Глядя на то, как её горячие слёзы смешиваются со струями холодного ливня, Ли Яньи почувствовала, как её собственное сердце разрывается на части от невыносимой боли.

- А-Синь... Мне меньше всего хотелось бы ставить тебя перед этим страшным выбором, но такова суровая реальность этого мира. Уезжай отсюда прямо сейчас. Обещаю тебе, как только вся эта кровавая бойня завершится и прах осядет на землю, Я лично верну тебя в столицу. Пока Я жива, никто в Поднебесной не посмеет сорвать и волоска с твоей головы. В тот

благословенный день Я официально провозглашу тебя своей Императрицей, и мы...

При слове «императрица» лицо А-Синь мгновенно застыло, а вся былая ярость в один миг испарилась из её глаз. Она замолчала. Две женщины так и остались стоять неподвижно под непрекращающимися потоками ледяного ливня, и это безмолвие длилось добрую половину стражи.

- Ли Яньи, - когда А-Синь наконец снова разомкнула уста, её голос был абсолютно ровным, чистым и спокойным. Она тихо произнесла:

- За все эти долгие годы я так и не смогла позабыть те благословенные дни, когда мы с тобой делились сокровенными клятвами посреди цветущих зарослей бегоний. Всё это время я попросту не находила в себе сил честно посмотреть тебе в глаза, я без конца капризничала, срывала на тебе злость и причиняла тебе массу жестоких обид, но...

А-Синь медленно вскинула голову и пристально, не моргая смотрела в лицо принцессы. Ли Яньи обомлела, заметив, что этот некогда суровый взгляд боевого генерала Се вновь наполнился той самой мягкостью, трепетом и чистой нежностью, какая была свойственна ей десять лет назад, в пору их самого счастливого, беззаботного отрочества. В те далёкие годы А-Синь точно так же, с благоговением и затаённым обожанием взирала на свою принцессу. Вот только сегодня сквозь это пламя любви проступала вуаль глубокой, невыносимой и неизбывной печали.

- ...Но я не могу позволить тебе умереть. Я ни за что не допущу твоей гибели. Я не сделаю ни шагу вон отсюда. Пока ты остаёшься в Жунине, я тоже не покину стен этого города.

Заметив, как А-Синь поспешно опустила ресницы, отчаянно пытаясь скрыть густой, заливший её бледные щёки девичий румянец, Ли Яньи закинула голову к небу и разразилась громким, безудержным и ликующим смехом:

- Подумать только! Тот самый мучительный узел, который мы не могли распутать столько лет, распахнулся сам собой в канун этой великой битвы! Отныне я обрела и тебя, и всю великую Поднебесную! Сами Небеса явили мне Свою наивысшую милость!

Ли Яньи с неистовой страстью заключила её в свои крепкие объятия. Вдруг она отпрянула и указала рукой в сторону Восточных ворот Жунина. Там, высоко над зубцами оборонительных крепостных стен, сквозь плотную завесу бушующего ливня медленно поднимался к небу крошечный, едва различимый огонёк.

Это была лампада «Вечного света».

А-Синь знала этот сигнал как никто другой во всей вселенной. Каким бы неистовым ни был ливень, потоки воды физически не могли пробить толстую, пропитанную особыми маслами ткань, надёжно защищавшую фитиль горелки от влаги. В военном искусстве Великой Юй

подобные лампы служили единственным и неопровержимым сигналом для начала скрытого ночного штурма.

– Это сигнал твоего отца к началу штурма Жунина, – ровным тоном произнесла Ли Яньи. – Его сотысячная армия тайно заняла позиции в окрестностях города, и Восточные ворота – единственный проход, через который войска могут беспрепятственно ворваться на улицы. Как только Се Фучэнь уничтожит охрану Восточных ворот и настежь распахнёт створы, конница хлынет внутрь. Мой личный гарнизон действительно насчитывает едва ли десять тысяч, так что в этой схватке твой отец безоговорочный, стопроцентный победитель.

Всего за одну четверть часа до этого.

Охранники у подножия Восточных ворот Жунина были вырезаны настолько стремительно, что ни один из них не успел издать ни единого звука. Грохот яростного ливня надёжно поглотил глухой стук падающих на землю тел. На самой же крепостной стене тридцать стражников, сжимая в руках длинные копья, неторопливо и мерно обходили периметр. Под проливным дождём развести факелы было задачей не из лёгких, а плотная стена воды напрочь застилала взор, из-за чего часовым приходилось изо всех сил напрягать зрение, дабы хоть что-то разглядеть сквозь ночную темень.

До смены караула оставались считанные минуты, когда со стороны внешнего рва донёсся смутный шорох.

– Эй! Ну-ка гляньте туда! – молодой стражник, первым заметивший неладное, поспешно созвал товарищей. Солдаты толпой прильнули к зубцам стены, сквозь сплошную пелену дождя у самого подножия крепости действительно хаотично двигалась какая-то огромная, зловещая чёрная масса.

– Здесь враг! – испуганно выкрикнул молодой боец и уже занёс руку, намереваясь ударить в набатный колокол, но опытный, умудрённый годами начальник стражи жёстко перехватил его запястье, дёрнув назад.

– Ты с ума сошёл?! Разве в набат бьют по пустякам? Не забывай: завтра на рассвете дева-владыка официально восходит на престол. Если мы без веских причин поднимем вой и переполошим всё высшее министерство, тебе и десяти голов не хватит, чтобы искупить эту халатность!

– Но... а вдруг это и впрямь налёт неприятеля?

– Ни из одного пригородного уезда или заставы не поступало никаких военных сводок о приближении врага. С какой стати тут среди ночи объявится армия? Небось, опять эти безмозглые лесные твари прибежали к стенам в поисках пропитания, только и всего.

Начальник стражи спешно раздобыл кусок плотной промасленной ткани, обмотал им деревянный брус, зажёл его и с силой швырнул со стены вниз. Прежде чем факел с шипением угас в грязи, яркая вспышка огня на долю секунды озарила землю у рва. У подножия крепости действительно металась огромная стая диких волков, устроивших суматоху.

– Ну, что я говорил? Эти серые твари каждое лето норовят под прикрытием грозы проскочить сквозь заставы внутрь... – фразу центуриону договорить не удалось, лезвие острого клинка с хрустом перерезало ему горло.

Целая группа лазутчиков в чёрных походных плащах вихрем ворвалась на Восточные ворота, завязав со стражей яростную, кровопролитную резню. Нападавшие двигались абсолютно беззвучно, а их боевое мастерство было безупречным, они мгновенно захватили инициативу. Первым же делом они жестоко ликвидировали начальника стражи из-за чего остальные молодые солдаты впали в полнейшую панику и за считанные минуты потеряли больше половины своего состава.

Тот самый молодой стражник, что первым заметил движение у рва, уже получил две глубокие раны в грудь. Истекая кровью, он из последних сил рвался к набатной башне, каждый раз, когда ему удавалось прорубить путь сквозь кольцо врагов и его пальцы уже едва не касались колокольного била, наёмники с силой волокли его обратно.

Бесчисленные мечи, сабли и топоры со звоном сталкивались в темноте, высекая искры. Багровая кровь, смешиваясь со струями ливня, ленивыми ручьями стекала вниз по каменным ступеням крепостных валов. Грохот сражения полностью тонул в шуме разбушевавшейся стихии, и расслышать крики умирающих со стороны было невозможно.

В это же самое время другой патрульный отряд Цзиньувэй численностью в сто двадцать человек, совершавший обход центральных кварталов, как раз проходил мимо Восточных ворот. Командиру патруля почудился смутный, странный шум, он изо всех сил пытался взглянуть и вслушаться в непроглядную тьму, окутавшую крепостную башню. Но наверху царил мрак, и было неясно, то ли там действительно идёт бой, то ли это просто очередная иллюзия, созданная разгулом стихии.

– Выдвигаемся на проверку, – сухо скомандовал капитан, и патрульная рота двинулась к воротам. Но не успели они сделать и десятка шагов, как высоко над зубцами стен в небо медленно взмыл яркий покачивающийся огненный шар.

Внимание всех солдат Великой Юй в один миг оказалось приковано к этой лампаде, горевшей прямо посреди шторма. Капитан патруля успел лишь истошно вскрикнуть: «Дело дрянь! Назад!..», как из непроглядной глубины ночных улиц донёсся оглушительный, громоподобный топот тысяч копыт, и стальная лавина конницы в мгновение ока вылетела прямо на них. Отряд патрульных походил на крошечную рыбацкую лодчонку, попавшую под удар океанского цунами, они не успели издать ни единого звука, как их тела были мгновенно смяты копытами

коней и разорваны в клочья.

Се Фучэнь величаво стоял на залитых чужой кровью Восточных воротах. Из-под полей своей широкой шляпы он созерцал, как его огромная, долгие месяцы укрывавшаяся в лесах армия с диким рёвом лавиной вливается в распахнутые створы Жунина. За считанные мгновения железный поток конницы полностью затопил все центральные улицы и переулки столицы. Эта армия была подобна его собственной могучей длани, которая в один миг мёртвой хваткой сжала горло Жунина, и сжала горло самой Старшей Принцессы Ли Яньи.

Грохот железных копыт огромной армии Се Фучэня заставлял содрогаться саму ночную тьму. Только-только сформированные в Жунине хрупкие центральные отряды Великой Юй перед этой лавиной казались беспомощными, едва научившимися ходить младенцами. Они стремительно и беспорядочно отступали по всему фронту.

Солдаты столичного гарнизона пребывали в полном недоумении, не ведая, из каких глубин преисподней среди ночи вынырнуло это грозное воинство. Облачённые в глухие чёрные латы, штурмовые отряды походили на призранных солдат, восставших из загробного мира. Они внезапно соткались посреди охваченных штормом тёмных переулков, начав беспощадную и массовую резню. Сердце Великой Юй погрузилось в беспрецедентную, парализующую панику.

Остатки центральных войск и спешно поднятые полки из близлежащих уездов лавиной направились к Восточным воротам, отчаянно стремясь заделать этот зияющий прорыв в обороне. Однако стоило им стянуть силы к восточной заставе, как на остальных городских воротах тут же начались яростные вооружённые провокации.

– Это бунтовщики из «Армии Жёлтой Земли»! – командиры Цзиньувэй на главных рубежах исходили жгучей тревогой. Эти неистребимые, не поддающиеся разгрому полчища саранчи явились вновь, устраивая диверсии и маневрируя у каждого въезда под прикрытием начавшегося хаоса. Взирая на Жунина с господствующей высоты, Се Фучэнь воочию убедился, что армия Ли Яньи мечется из квартала в квартал и совершенно измотана, ничуть не походя на силу, готовую к засаде. Командующий окончательно отбросил все колебания и жёстким взмахом клинка двинул стотысячную лавину стали на штурм императорской резиденции - Запретного города!

Многотысячный поток конницы с грохотом вышиб массивные створки главных врат Запретного города, и яростный воинственный клич в один миг в клочья разорвал вековой, священный покой дворцовых чертогов.

Дворцовые служанки и евнухи метались по залам, бледные как полотно и едва не лишаясь чувств от подступающего ужаса. Небольшие отряды гвардейцев Хубэнь, заблокировав входы во внутренние покои, пытались оказать отчаянное, обречённое сопротивление, однако натиск мятежников был неудержим. Не прошло и времени горения двух палочек благовоний, как защитники были полностью смяты и уничтожены.

Се Фучэнь наконец ворвался во внутренний лагерь Запретного города.

Главный тронный зал Тайцзи высился прямо перед ним, ослепительно сияя огнями сотен свечей посреди шторма. По заверению его шпионов, Старшая Принцесса Ли Яньи до сих пор неотлучно находилась внутри дворца, по уши погрязнув в подготовке к коронационным торжествам. Не успела барышня возложить на себя венец Поднебесной, как её голова сейчас со свистом слетит с плеч и покатится по мраморным ступеням... Ха-ха-ха! Поистине, вслед за несчастьем крадётся счастье, а в самом счастье зреет зерно новой беды. Ликование и скорбь всегда входят в одни двери, а благословение и проклятие делают одно ложе.

- Старый пёс Се! Этот молодой господин заждался тебя в гостях!

Сквозь непрекращающийся рокот бушующего ливня и свист ветра до его слуха внезапно донёсся звонкий, исполненный здоровья и юношеского задора мужской голос. Человек величаво стоял на самой верхней платформе парадной императорской лестницы Тайцзи, буравя командующего насмешливым взглядом. Этим воином был не кто иной, как второй молодой господин семьи Вэй - генерал Вэй Цзинъань!

- Коварный предатель! Ты дерзнул вступить в подлый сговор с бунтовщиками и поднял кровавый мятеж против престола, знаешь ли ты, какая страшная кара положена за такое святотатство?! - Вэй Цзинъань с сухим свистом направил острие своего тяжёлого копья прямо в лицо Се Фучэню, оглашая площадь громоподобным криком:

- Воины Поднебесной, стоящие под стенами, слушайте указ! Этот Се Фучэнь занимал высший пост великого сима, он был щедро осыпан беспрецедентными милостями и любовью покойного императора! Его священным долгом было оберегать молодого наследника и всеми силами крепить незыблемость империи! Однако стоило Сыну Неба испустить последний вздох, как этот волк в овечьей шкуре поднял оружие против собственной родины, одержимый безумным желанием узурпировать трон! Его деяния верх вероломства и скотства, и грех этот не искупить даже смертью! Каждый верный подданный обязан изрубить этого изменника на куски! Если же вы, ослеплённые ложной верностью, продолжите помогать тирану, закон заклеит вас как соучастников мятежа! И в тот день на плаху отправятся не только ваши головы! Вы своими руками погубите своих престарелых родителей, любимых жён и крошечных детей, обрекая весь свой род на тотальный геноцид! Этот господин призывает вас немедленно бросить клинки и сдаться на милость престола, двор принцессы гарантирует вам полное прощение былых прегрешений! Сберегите свои жизни, чтобы в будущем покрыть себя истинной славой в битвах с внешним врагом, вот единственный праведный путь для мужей Великой Юй!

Се Фучэнь лишь презрительно усмехнулся в ответ на этот пафосный призыв:

- Сколько жалких калек осталось под твоим началом, что ты имеешь дерзость изрыгать столь высокопарную чушь? Кто из нас является истинным изменником, а кто - верным слугой, в глубине души вы и сами прекрасно ведаете!

С этими словами командующий резко опустил руку, отдавая приказ к атаке, и стотысячная лавина стали с рёвом ринулась на штурм зала Тайцзи:

- Выбить двери! Схватить узурпаторшу и искромсать её на тысячи кусков!

Армия Се Фучэня начала оказывать колоссальное, удушающее давление на защитников. Передовой штурмовой полк под предводительством свирепого генерала Го Мэна неудержимым клином пробивал ряды обороняющихся. Под началом Вэй Цзиньаня в тронном зале находилось едва ли десять тысяч бойцов, и командующий Се хладнокровно рассчитывал, что не пройдёт и получаса, как Запретный город будет полностью взят, а фракция Вэй уничтожена.

И поначалу события развивались в точном соответствии с его планом.

Огромная площадь перед залом Тайцзи, казавшаяся в мирные дни бескрайней и монументальной, теперь, когда на её плитах сошлись в битве десятки тысяч закованных в броню бойцов, превратилась в тесную, зажатую стенами мышеловку, где из-за поднявшейся водяной пыли и копоты было невозможно разобрать общую картину боя. Се Фучэню казалось, будто его чёрная лавина дюйм за дюймом безжалостно поглощает и стирает в порошок изредевшие отряды Вэй.

Очень скоро знамён и солдат Вэй Цзиньаня на площади почти не осталось. По всем законам военной логики, его штурмовые корпуса к этой минуте должны были подчистую вырезать защитников. Но почему... почему великий дворец Тайцзи по-прежнему незыблемо и величественно высился посреди шторма, словно безмолвно и со вселенским презрением насмехался над безумной гордыней и немощью самого Се Фучэня?

В эту секунду из самой гущи яростной круговерти ближнего боя на коне вылетел его передовой генерал Го Мэн. Сверкая глазами, он во весь опор мчался напрямик к командному пункту Се Фучэня. Он замер, ожидая, что верный военачальник сейчас доложит ему о падении дворца, но конь Го Мэна даже не подумал замедлить ход, а огромная, сочащаяся кровью сабля генерала молниеносным рубящим выпадом полетела точно в шею Се Фучэня.

Не будь командующий в свои молодые годы элитным кавалерийским офицером, прошедшим через горнило десятков приграничных стычек, и не уклонись его тело на чистых, первобытных рефлексах воина назад в затылочном прыжке, его отрубленная голова в ту же долю секунды покатила бы по грязным камням мостовой.

Тяжёлое лезвие сабли с хрустом рассекло доспех на его груди, оставив глубокую, зияющую рану. Заливаясь кровью, Се Фучэнь пошатнулся и едва удержался на ногах, судорожно хватаясь за эфес меча. В этот момент боевой конь «Го Мэна» замер как вкопанный прямо перед ним. Наездник мёртвой хваткой вцепился в край своего лица и одним резким движением сорвал с головы тончайшую маску из человеческой кожи, разразившись безумным, раскатистым и диким хохотом.

Под личиной генерала Го Мэна скрывался вовсе не его верный военачальник.

Перед ним на коне восседала Чжэнь Вэньцзюнь, его собственная тайная дочь А-Лай!

- Старый пёс Се! - Чжэнь Вэньцзюнь направила окровавленный клинок прямо в его зрачки. - Сегодня я лично сорву твою поганую голову с плеч, чтобы упокоить священную душу моей замученной матери на небесах!

Его собственная стотысячная элитная армия, только что монолитным клином крушившая дворец, внезапно разделилась и принялась со звериной яростью вырезать друг друга.

В темноте переулков, под проливным дождём невозможно было отличить врага от союзника. Тайные отряды ликвидаторов и шпионов Вэй Тинсуй ещё до начала штурма умудрились массово переодеться в чёрные латы войск и полностью растворились внутри его полков!

За считанные мгновения великий триумф Се Фучэня обернулся тотальным, сокрушительным крахом. Попавшая в капкан армия узурпатора уничтожала сама себя изнутри!

<http://bllate.org/book/17227/1744313>